

ГЕРОИ И ЕРЕТИКИ: АЛЕКСАНДР БОГДАНОВ

Директор первого в мире Института переливания крови Александр Александрович Богданов скончался 7 апреля 1928 г. после двенадцатого опыта на самом себе. В докладной записке, направленной 19 января 1928 г. на имя Н.Семашко, Н.Бухарина, И.Сталина, основатель института напомнил, что “медицинский мир в целом напряженно принял новое учреждение”, ибо “консерватизм медицинского цеха — вещь общеизвестная”¹. Но дело, видимо, было не в консерватизме медиков. Отношение к Богданову определялось на самом верху. Сталин, предложивший Богданову организовать институт в конце 1925 г., в феврале того же года писал об отмирании целого ряда старых руководителей из литераторов и старых “вождей” и пояснял: “Луначарские, Покровские, Рожковы, Гольденберги, Богдановы, Красиные и т.д. — таковы первые пришедшие на память образчики бывших вождей-большевиков, отошедших потом на второстепенные роли”².

Естественно, нашлись люди, которые чутко уловили сталинские ориентиры. В докладной записке Богданов называет фамилии таких людей, которые организуют его травлю и напоминает: “Я с ноября настойчиво просил Орготдел Наркомздрава обследовать дело и прекратить невозможное положение. В декабре назначили обследование, мучительно затянутое на целый месяц. Мне не были сообщены ни его выводы, ни даже контробвинения другой стороны. Только недавно от Наркома я узнал о нелепом “политическом обвинении в резкой враждебности к партийцам вообще. Это обо мне, у которого почти нет друзей, кроме старых коммунистов, и который только благодаря помощи нескольких студентов-коммунистов мог поставить свои первые важнейшие опыты”³. Богданов просит освободить его “от обязанностей, выполнение которых стало невозможным”⁴.

В русле политики Сталина Богданов исторически был обречен, как и абсолютное большинство старых большевиков. После зловещего февральско-мартовского 1937 г. пленума ЦК ВКП(б) в

печати замелькали идиологемы насчет “богдановско-бухаринских” теорий — орудия фашистской контрреволюции.

Мы, говоря о творческой биографии Богданова, пока отметим, что одна из наиболее всесторонних объективных оценок его жизни и деятельности содержалась в речи Н.И.Бухарина на гражданской панихиде, посвященной памяти великого ученого. “В лице Александра Александровича ушел в могилу человек, который по энциклопедичности своих знаний занимал исключительное место не только на территории нашего Союза, но и среди крупнейших умов всех стран, — сказал старый соратник и оппонент Богданова. — Это — поистине редчайшее качество среди работников революции. Богданов с одинаковой свободой парил на высотах философской абстракции и давал конкретные формулировки теории кризисов. Естественные науки, математика, общественные науки имели в нем настоящего знатока, и он мог выдерживать бои во всех этих областях как “свой человек” в любой из этих сфер человеческого знания. От теории шаровидной молнии и анализа крови до попыток широчайших обобщений “Тектологии” — таков радиус познавательных интересов Богданова. Экономист, социолог, биолог, математик, философ, врач, революционер, наконец, автор прекрасной “Красной звезды” — это во всех отношениях совершенно исключительная фигура, выдвинутая историей нашей общественной мысли. Ошибки Богданова вряд ли когда-нибудь воскреснут. Но история, несомненно, отсеет и отберет то ценное, что было у Богданова, и отведут ему свое постоянное место среди бойцов революции, науки и труда. Исключительная сила его ума, бурлившая в нем, благородство его духовного облика, преданность идее заслуживают того, чтобы мы склонили перед его прахом свои знамена”⁵.

Популярность Богданова как ученого и писателя проявилась рано. По данным опроса учащихся средних учебных заведений в 1903 г., Богданов — “наиболее читаемый автор-обществовед”⁶. Спустя двадцать лет напишут: “Первые два-три года после Октябрьской революции приходится считать эпохой необычайной его популярности в широких кругах, всколыхнутых Октябрем; т.Богданов считался как бы общепризнанным представителем “пролетарской идеологии”, как бы официальным ее философом”⁷.

Экономические произведения Богданова, его учебные “Курсы” переиздавались десятки раз.

Начало концу “необычайной” популярности Богданова положило второе издание “Материализма и эмпириокритицизма” в 1920 г. К изданию была приложена статья В.Невского “Диалектический материализм и философия мертвой реакции”. По поводу этого приложения Ленин писал: “Что касается до последних произведений А.А.Богданова, с которыми я не имел возможности ознакомиться, то помещаемая ниже статья тов. В.Невского дает необходимые указания. Тов. В.И.Невский, работая не только как пропагандист вообще, но и как деятель партийной школы в особенности, имел полную возможность убедиться в том, что под видом “пролетарской культуры” проводятся А.А.Богдановым буржуазные и реакционные воззрения”⁸.

Статью Невский назвал в пику “философии живого опыта”, как именовал свои философские воззрения Богданов. В начале статьи автор относит Богданова к “числу людей, пытавшихся уверить пролетариат, что философия мертвой, гниющей реакции есть самое последнее слово науки”⁹. Заканчивается она так же: “Он очень много говорит о “философии живого опыта”, вернее — о философии мертвой реакции”¹⁰. Под влиянием Ленина, далее по указке Сталина нарастает официальная травля ученого. В “Правде” за 1923 г. (№ 2) появляется фельетон Я.Яковлева (Эпштейна) “Меньшевизм в пролеткультовской одежде”, который содержал вымыслы и искажения одной из речей Богданова. Богданов дает аргументированный ответ. В том же году и в той же газете (№ 81) публикуется статья П.Керженцева (В.Лебедева) “Организационные проблемы”, в которой позиция ученого “в области организационных проблем” оценивается в качестве реакционной. Особенно достается тектологическому закону: “прочность цепи определяется наиболее слабым из ее звеньев”.

7 сентября 1923 г. Богданов был арестован ГПУ по обвинению в идейном руководстве группой “Рабочая Правда” и 13 октября того же года освобожден ввиду отсутствия состава преступления. Как заметил в одном из писем сам Богданов, его арест явился результатом более чем трехлетней литературно-политиче-

ской травли, при которой он оставался с зажатым ртом. Запускались “утки” о “подпольной борьбе” Богданова против Советской власти, о нелегальных сношениях с эмиграцией, с польской контрразведкой...

Ложь и клевета в печати не утихают. В журнале “Под знаменем марксизма” аноним за подписью “Материалист” обозвал Богданова “оппортунистом теоретически и ренегатом политически”¹¹. В газете “Правда” (№ 257, 288 за 1923 г.) против Богданова выступил секретарь ЦК ВКП(б) Е.Ярославский (М.Губельман). Суть статей в провозглашении тезиса: путь от Коминтерна к II Интернационалу, от Ленина к Либердану лежит через “богдановщину”. Богданов был сильно деморализован. Не имея возможности по причине медицинской операции присутствовать на торжественном заседании памяти Ленина (10 февраля 1924 г.), он на следующий день послал объяснительную записку члену президиума Социалистической академии Д.Рязанову, дабы не дать повода для “небезопасных” комментариев и мероприятий...

И.Карев, известный в то время “специалист по материалистической диалектике”¹² публикует серию статей “Тектология или диалектика” (К критике “Тектологии” А.Богданова)¹³. И.Вайнштейн выпускает большую монографию “Организационная теория и диалектический материализм. Систематическая критика А.Богданова” (М.; Л., 1927). Богданов дал этим авторам аргументированные ответы. Так, отвечая на политизированные выпады И.Карева по поводу тектологического закона наименьших, который будто бы подрывает учение о пролетарской диктатуре, Богданов весьма уместно ссылается на ленинскую брошюру “О продовольственном налоге”, в которой Ленин доказывает, что укрепление диктатуры пролетариата сейчас требует принятия экстренных мер для улучшения положения крестьянства.

Относительно теоретической биографии Богданова напомним о том, что Ленин первым дал в высшей степени положительную рецензию (1898) на первую публикацию ученого “Краткий курс экономической науки” (1897). Ленин ее начинает так: “Книга г-на Богданова представляет замечательное явление в нашей экономической литературе... Мы намерены поэтому в настоящей заметке

обратить внимание читателей на выдающиеся достоинства этого сочинения... Главное достоинство “курса” господина Богданова — полная выдержанность направления от первой до последней страницы книги”¹⁴. Речь идет о марксистском направлении. Впоследствии Ленин не вспоминал об этой рецензии. О “полной выдержанности направления” забыто начисто. И было забыто до 60-х годов. Лишь в 1930 г. автор философского словаря Т.Ищенко, упрекая Богданова в ревизионизме во всех областях, напомнил о близости его к марксизму в 90-е годы XIX века¹⁵.

Обобщающая и многократно растиражированная оценка Богданова была дана, например, С.Гоникманом: “А.А.Богданов является чрезвычайно поучительной и масштабной фигурой нашего рабочего движения. Большевик в прошлом, он пользовался в некоторые периоды огромным идейным авторитетом среди членов партии. Отойдя от партии в эпоху реакции, он больше уже в нее не возвращался. В период Октябрьской революции он оказался на позициях пассивного противника и критика большевизма. Однако в первые годы революции, когда все силы партии были поглощены гражданской войной, идейное влияние Богданова снова распространилось. Дошло до того, что кое-где его учение было специальным предметом преподавания. В Свердловском университете Богданов руководил кружком своих сторонников, пролеткультовское движение развивалось почти под идейной эгидой Богданова. Ныне увлечение Богдановым прошло и, надо надеяться, навсегда.

Однако в лице отдельных товарищей, участвующих в теоретической работе партии, идейное наследие Богданова оживает и время от времени атакует марксистско-ленинское мировоззрение. Одной из таких атак была борьба покойного И.И.Степанова против марксистско-ленинской философии. Если не говорить об отдельных эпигонах Богданова-Степанова в лице кое-кого из современных экономистов-механистов, то крупнейшим, выдающимся представителем полубогдановщины-полумарксизма теперь является тов. Бухарин, особенно в своей работе “Теория исторического материализма”¹⁶. Насчет увлечения Богдановым Гоникман оказался плохим пророком. Теоретическое наследие автора “Тектологии” стало всемирно известным, и не только в рамках теории систем¹⁷. С

60-х годов в отечественной литературе начинается частичная реабилитация Богданова под тектологической шапкой. Этим мы обязаны И.Блаубергу и Э.Юдину, М.Сетрову и В.Садовскому, Г.Гловели и Н.Фигуровской, Л.Абалкину и Л.Чижовой, А.Татаджяну и Н.Моисееву, А.Огурцову и Ю.Урманцеву.

В 1990 г. имя Богданова, исчезнувшее из названия Института переливания крови в 30-е годы, было восстановлено. В городе Гродно, на родине Александра Александровича, в 1994 г. проведена международная научно-теоретическая конференция “Богдановские чтения”, изданы соответствующие материалы.

О философии

В 1899 г. Богданов писал: “Существует известная сфера мышления, которая заслуживает того, чтобы ее отделить от точной науки, и которая, однако, находится с нею в теснейшей связи. Это — область гипотез, идущих дальше обобщений точной науки и объединяющих эти обобщения в одно стройное целое. Человеческое познание стремится к целостности; для людей, логически мыслящих, источником страданий являются не только прямые противоречия, но и всякие сколько-нибудь значительные проблемы в сфере познания. Эти противоречия оно примиряет, и эти проблемы заполняет с помощью творческой деятельности, создающей философские гипотезы.

Таким образом, философия есть область гипотез, которые основываются на последних обобщениях науки, но идут дальше их и имеют своей задачей установить единство, целостность в познании”¹⁸.

Несколько позже в статье “Революция и философия”, вошедшей в сборник “Из психологии общества” (1904), Богданов пояснял, что философия порождается из познавательных противоречий человеческого опыта. В “Эмпириомонизме” он говорил о том, что философия возникла из стремления мыслить все содержание опыта в однородных и связанных формах и приобрела самостоятельное значение именно как реакция против чрезмерной раздробленности и противоречивости опыта¹⁹. С первой до последней публикации Богданов проводит мысль: “Наука сделает философию ненужной, как

уже теперь не нужна религия”. О философии Маркса применительно к условиям середины XIX в. он писал: “В учении Маркса философия впервые нашла самое себя, свое место в природе, в обществе, а не над ними и вне их”²⁰. Социальная деятельность рабочего класса положит конец классовому обществу, философия “растворится в прогрессе науки”.

Когда Богданов пишет о том, что философия есть обобщение коллективного опыта поколений, что знание инструментально, выступает как руководство к действию, он воспроизводит известные марксистские тезисы, что связь причины и следствия человек первоначально обнаруживает в своей деятельности. Называя обывательской философией рассуждения о том, что раз общественное сознание определяется общественным бытием, то все, что советует и делает капиталист, вредно для рабочего, он повторяет выпады марксистов против вульгарно-социологического мышления. Относительно судьбы философии Богданов давал прогноз, согласно которому она “должна терять свое значение — частью просто отпадать как ненужная болтушка, частью переходить в содержание монистической науки”²¹. Надо сказать, что такое понимание судьбы философии соответствует, скорее, не воззрению Маркса, а сциентистской позиции Энгельса.

Для понимания итогов философской эволюции Богданова и прогнозов относительно судьбы философии принципиальное значение имеет статья “От философии к организационной науке” (1922). Автор напоминает о том, что Карл Маркс в своих тезисах о Фейербахе наметил программу развития революционной философии. Сущность ее такова: необходимо рассматривать действительность как живую, конкретную практику (тезисы 1-й и 5-й) и именно как социальную практику, потому что в своей деятельности человек выступает в качестве существа социального (тезисы 6-й и 8-й). Практика и есть объективный критерий истины (тезис 2-й). Философия же, с этой точки зрения, должна стать не простым объяснением, истолкованием мира, но средством активного ее изменения (тезис 11-й). “Исторический материализм был выполнением этой программы в области социальной философии. Выполнение в общеполитическом масштабе является для рабочего класса также

насушной задачей. Этой задаче я посвятил свои силы, над ней работаю больше четверти века”²².

Рассматривать мир явлений как социальную практику — значит видеть в нем поле коллективного труда. Богданов в сущности показывает, что, по Марксу, мир выступает для нас в формах предметно-чувственной деятельности. Человек своей активностью, деятельностью придает особое развитие природе, отличное от ее стихийного развития, изменяет форму вещества природы. Это изменение регулируется законом подбора: исчезают формы менее жизнестойкие, удерживаются более приспособленные, более организованные. Так формируется универсально обобщающая, всеорганизационная точка зрения. Ее корни лежат в социальной практике, в коллективном труде, ибо весь смысл труда можно выразить так: организовать человеческую активность, чтобы, побеждая стихийность, дальше и дальше организовывать мир для человечества.

В соответствии с этим Вселенная — непрерывная цепь форм, переходящих ступеней организованности, наивысшая из которых — трудовой коллектив человечества: “Эту картину мира я назвал “эмпириомонизмом”, то есть “единством опыта”. Она есть не что иное, как схема организационной философии. В ряде работ я обосновал ее на данных естествознания и общественных наук”²³.

Что же касается школы Маха-Авенариуса, Богданов видит в воззрениях ее приверженцев позицию научно-технической интеллигенции, отмечает недостатки этой позиции, но вместе с тем указывает на достоинства: критику застывших понятий, разрушение многих фетишей. То глубокое обобщение идеи относительности, которое дал Мах, проложило путь к открытиям Эйнштейна.

Богданов полагает, что Плеханов и Ленин не поняли Маха, ибо отталкивались от домарковского материализма, лишь дополненного диалектикой. Что касается понятия материи, пишет Богданов, оно многократно изменялось в истории философской мысли. Так же изменяются научные представления о материи. Одно дело — механистическая позиция, иное — электродинамическая позиция Эйнштейна. Социальный материализм Маркса признает материальную сторону основой социальной жизни, подразумевая под этой основой “производство с его техникой и экономикой, сознательно-

активное воздействие общества на природу, включающее огромную роль того, что Плеханов называет “духом”²⁴.

Все идеологические формы (а Богданов в сущности отождествляет идеологическое и духовное в общественной жизни) — речь, мышление, понятия, нормы обычаев, право, мораль, искусство — являются организационными орудиями социальной жизни людей, их коллективного труда и борьбы. Идеологические формы определяются производственными отношениями. Эти формы, организационные орудия и методы определенных классов, общественных групп образуют культуру данного класса: авторитарную, буржуазно-индивидуалистическую, пролетарско-коллективистскую. Отсюда и вывод о необходимости сформировать пролетарскую культуру. Программа создания пролетарской культуры была изложена в платформе левобольшевистской группы “Вперед!” (1909) на основе доклада Богданова. Он пишет: “Вопрос о пролетарской культуре есть вопрос о глубоком, коренном преобразовании быта, науки, искусства. Для теоретика ближе всего задача преобразования науки. Здесь организационная точка зрения приводила к требованию обобщить и систематизировать организационный опыт человечества в научной форме, а это значит — создать всеобщую организационную науку”²⁵.

Названная наука должна стать орудием создания научно-планомерной системы производства, триединой гармонически стройной организации самых разнородных элементов: вещей, людей и идей. Все организационные и дезорганизационные процессы подчиняются постоянным общим закономерностям, которые могут быть выражены в точных схемах. Например, закон подбора. Он действует не только в живой природе, всякая система сохраняется или разрушается в зависимости от своего отношения к среде, приспособленности или неприспособленности к ней. И человек действует по этому же принципу, сохраняя и отбрасывая неподходящее. Далее, например, закон наименьших: целое определяется наиболее слабым из своих необходимых звеньев. Прочность цепи зависит от наименее крепкого звена, устойчивость линии фронта — от наиболее уязвимого участка. Первые результаты организационной науки находят свое практическое и теоретическое применение.

Богданов пишет: “С этого времени философия как таковая потеряла для меня реальный интерес: она — временное и несовершенное объединение опыта, которое должно уступить место высшему, научному его единству”²⁶.

Как видно, сциентистский прогноз, который во многом противоречит и богдановскому пониманию “социального материализма” Маркса, и философии вообще, не оправдался. Нам остается напомнить о двух моментах историко-философского характера. Первый: прогноз Богданова по части судьбы философии совпадает с прогнозом его рьяного оппонента Плеханова. Тот писал в “Очерках по истории материализма” (1896): “Задача диалектического материализма была, таким образом, определена заранее. Философия, оказавшая в прошлые столетия огромные услуги естествознанию, должна была освободить социальную науку из лабиринта противоречий. По выполнении этой задачи философия могла бы сказать: *“Я исполнила свой долг, я могу уйти, так как в будущем точная наука должна сделать бесполезными гипотезы философии”*”²⁷. Второй, Ленин, не менее рьяный оппонент Богданова, держался более “гибкой” позиции. В работе “Экономическое содержание народничества...” (1895) появляется вывод, напоминающий о котором десятилетиями никто не решался: “С точки зрения Маркса и Энгельса, философия не имеет никакого права на отдельное самостоятельное существование, и ее материал распадается между отдельными отраслями положительной науки”²⁸. Не прошло десяти лет, как Ленин признал и философию вообще, и марксистскую философию в частности, которую вслед за Энгельсом именовал наукой об “общих законах”. О своей позиции 90-х годов Ленин тоже не вспоминал.

И еще одно замечание. Адекватному пониманию Богданова мешает его реформирование философского языка, стремление изложить философское содержание в терминах науки. Можно оспаривать такое стремление (и мы полагаем, что эта попытка ничего позитивного не дала), но его надо понять и учесть, что Богданов был прав, указывая на недостатки языка гегелевской и иной предшествующей философии. Например, Богданов убежден в том, что принцип социального детерминизма можно выразить количественно, довести до измерения. В связи с этим он при анализе общест-

венных явлений оперирует понятиями “энергия”, “закон сохранения энергии”, “закон подбора” и т.п. Видеть за этим какой-то идеализм нелепо. Взгляд на мир как на процесс, по Богданову, точнее можно передать определением “исторический”, чем “диалектический”; вместо термина “метафизический” он рекомендует употреблять термин “статический”²⁹. История философии и науки — свидетельство победы исторического взгляда над статическим. Историческая точка зрения позднее именуется концепцией “подвижного равновесия”, “организационной диалектикой”, которые характеризуют любой процесс подлинно всесторонне, а именно в единстве устойчивости и изменчивости. С учетом подобного видения мира только и можно понять высказывания такого рода: “Равновесие есть идеал статический, развитие — исторический”³⁰.

Статическое воззрение грешило двумя ошибками: смешивало медленное движение с полной неподвижностью и преувеличивало относительную обособленность предметов. Историческое воззрение преодолевает эти ошибки и видит всеобщее изменение и единство в природе. Богданов пытается дать оригинальную трактовку законов, сформулированных Ньютоном, в том числе в связи с характеристикой принципа причинности. По его мнению, исторически закон инерции дает основание для понимания причинно-следственной связи. Второй и третий законы механики Ньютона при известном преобразовании переводят статическое понимание причины в историческое. Применение третьего закона ко всем явлениям природы позволяет сформулировать закон сохранения материи и энергии, а тем самым дать обобщенное определение принципа причинности. В конечном счете, полагает Богданов, гипотеза относительно материи отживет, все изменения в природе можно будет описывать с помощью количественного измерения энергии. В познаваемой действительности неизменным оказывается только само изменение, оно и есть неизменная сущность материи. Как видно, Богданов явно абсолютизирует функциональный аспект, недооценивая субстратный (субстанциальный). Хотя все свойства раскрываются в отношениях, вовсе не позволительно отсюда делать вывод, что нет необходимости изучать то, *что* относится. В общем “позитивистская” задумка Богданова не осуществилась, да и не могла осуществ-

виться. И сам мыслитель по мере все более и более глубокого постижения марксизма давал иную, антропологическую, трактовку философии, во всяком случае философии Маркса.

Тектология

Философия объясняла мир. И не более. «Даже материалистическая диалектика — в общем и целом — остается на той же позиции, по существу объяснительной; лишь для социальной борьбы она у Маркса приняла в известной мере и директивно-практический характер: для ускорения хода развития надо поддерживать, усиливать выступающие в ней реальные противоречия, осознавая их и распространяя это осознание на классовый коллектив, оформляя их организационно в коллективе. Однако и здесь диалектика объективного развития не играет роли, подобной, например, математике, роли орудия планомерного исследования и решения задач; в лучшем случае, достигнув решения обычными, частными методами, его затем подводят под диалектическую схему»³¹, — писал Богданов в предисловии к немецкому изданию «Тектологии» (1923). Универсально-обобщенное и вместе с тем прикладное значение будет иметь новая организационная наука, охватывающая реальные и возможные задачи, познавательные и практические. Вслед за Марксом Богданов принимает за исходный пункт организационной науки действующего человека, или человеческую деятельность. Между тем «всякая человеческая деятельность объективно является организующей или дезорганизующей. Это значит: всякую человеческую деятельность — техническую, общественную, познавательную, художественную — можно рассматривать как некоторый материал организационного опыта и исследовать с организационной точки зрения»³². Старый учитель научного метода Энгельс, замечает Богданов, выразил все это формулой: производство людей, производство вещей, производство идей. В термине «производство» скрыто понятие организующего действия. А поэтому формулу Энгельса можно сделать точнее: организация внешних сил природы, организация человеческих сил, организация опыта. Иногда Богданов допускает явные перехлесты:

“Что же оказалось? У человека нет иной деятельности, кроме организационной, нет иных задач, кроме организационных.

Итак, все интересы человечества — организационные. А отсюда следует: не может и не должно быть иной точки зрения на жизнь и мир, кроме организационной”³³.

Думаем, что подобная жесткость сродни политической жесткости Ленина. У того — только политика, у Богданова — только организация. Оба они, бывшие друзья, были неоднозначными. В предисловии к первому изданию второй части Богданов пишет: “Тектология — наука и, как всякая наука, идет в своих обобщениях и в исследовании шаг за шагом, расширяя свое поле и свои выводы. Такие схемы, как “подбор”, “ингрессия”, правда, универсальны, но лишь в том же смысле, как, положим, закон сохранения энергии: они относятся ко всякому явлению, но касаются только одной определенной стороны, а отнюдь не исчерпывают его”³⁴.

Первичный тектологический прием — речь. Тектологическая тенденция возникла вместе с речью. Приближение этой тенденции к научным формам выразилось в возникновении философии. Философия стремилась связать в одну систему человеческий опыт, разорванный специализацией. Но со времени Локка, Юма, Канта философия стала превращаться в гносеологию, нечто односторонне специализированное. Гегель пытался создать универсальную методологию. Универсально-эволюционные схемы Г.Спенсера и особенно материалистическая диалектика были следующими приближениями к нынешней постановке вопроса. Богданов создает всеобщую организационную науку — тектологию, что в переводе с греческого означает “учение о строительстве”. Строительство, полагает Богданов, — синоним современного понятия “организация”.

Организационная наука характеризуется прежде всего точкой зрения. Например, “огромный вопрос об идеологиях, то есть о формах речи, мышления, права, морали и проч., вопрос, охватывающий обширную область социальных наук, обычно рассматривался вне представления о социальной организации как целом, части которого связаны необходимой жизненной связью. Марксизм впервые определенно выяснил эту связь, но не полностью, а лишь частично, одну ее сторону — зависимость идеологии от отношений

производства как форм вторичных или производных от форм основных³⁵.

Богданов сравнивает переворот, совершенный Марксом в общественном знании, с переворотом, сделанным Коперником в астрономии. За три с половиной века до Маркса жил скромный астроном Николай Коперник. Он также преобразовал свою науку, у него также была одна простая идея. Она родная старшая сестра идеи Маркса.

Астрономы до Коперника понимали, что в движении небесных светил есть непреложная закономерность. Но они запутались в объяснении. У Коперника возникла мысль: не потому ли это все так сложно и запутано, что мы смотрим с Земли? А что, если переменить точку зрения и посмотреть с Солнца? И когда он сделал так, все стало ясно и просто: планеты, и Земля в их числе, движутся по кругам, а не по извилистым путям, и Солнце — их центр. Так родилась новая астрономия.

“До Маркса жизнь общества исследовали буржуазные ученые и смотрели на нее, естественно, с точки зрения своего положения в обществе, с точки зрения класса, который не производит, а подчиняет себе труд других людей и пользуется им. Но с того места не все видно, многое представляется в искаженном виде, и многие движения жизни запутываются так, что их нельзя понять.

Что сделал Маркс? Он переменяет точку зрения. Он взглянул на общество с точки зрения тех, кто производит, — рабочего класса, и все оказалось иначе. Обнаружилось, что именно там центр жизни развития общества, то Солнце, от которого зависят пути и движение людей, групп, классов”³⁶.

И у Коперника, и у Маркса совершилась перемена точки зрения. Маркс не был рабочим, но силой мысли он сумел вполне перенестись на позицию рабочего. Действительность, истина, даже сама очевидность становятся иными. Что может быть очевиднее для капиталиста, чем то, что он кормит рабочего? Разве не он дает рабочему занятия и заработок? Но для работников не менее очевидно то, что они своим трудом кормят капиталистов. И Маркс учением о прибавочной стоимости показал, что первая очевидность — иллюзия, видимость, подобная видимости ежедневного движе-

ния Солнца вокруг Земли, а вторая — истина. Маркс показал, что общественным бытием людей определяется их сознание. Однако, полагает Богданов, “он оставил без выяснения объективную роль идеологии в обществе, ее необходимую социальную функцию: в организованной системе каждая часть или сторона дополняет собой другие части или стороны, и в этом смысле нужна для них как орган целого, имеющий особое назначение. В отдельных случаях марксизм подходил к такой задаче... Но он ставил вопросы в общей форме... Организационная точка зрения сразу изменила эти понятия, устранила их пестроту и неопределенность, указала действительное и необходимое место идеологии в жизни общества. Это организующие формы для всей практики общества, или, что то же, ее организационные орудия. Они действительно определяются в своем развитии условиями и отношениями производства, но не только как их надстройки, а именно так, как формы, организующие некоторое содержание, определяются этим содержанием, приспосабливаются к нему. Вся идеологическая сторона жизни представляется в новом свете, и целый ряд ее загадок разъясняется сравнительно легко”³⁷. В связи с этим Богданов ссылается на свою работу “Наука об общественном сознании”.

Итак, тектология представляет собой перемену точки зрения на мир человеческого опыта, но, полагает Богданов, науки различаются не по предмету (для всех предмет один и тот же — мир опыта), а по точке зрения, по центру координат исследования. Тектология есть наука с произвольно переменным центром координат, то есть несет всеобщую точку зрения.

Тектологию не следует смешивать с философией. Возникнув как совокупность наивных обобщающих гипотез, философия в условиях специализации человеческой деятельности раскололась на теоретическую (теория познания) и практическую (мораль). Тектология же чужда морали как математика, хотя может исследовать моральные связи с организационной точки зрения. Она чужда и теоретической философии, которая искала единство опыта и несла созерцательную тенденцию. “Для тектологии единство опыта не “находится”, а создается активно-организационным путем: “Философы хотели объяснить мир, а суть дела заключается в том, чтобы изме-

нить его”, — сказал великий предшественник организационной науки К.Маркс. Объяснение организационных форм и методов тектологией направлено не к созерцанию их единства, а к практическому овладению ими.

Философские идеи отличаются от научных тем, что не подлежат опытной проверке, например, “философский эксперимент” есть совершенно неестественное сочетание понятий. Для тектологии постоянная проверка ее выводов на опыте обязательна: организационные законы нужны прежде всего для того, чтобы их применять...

В своей объяснительной работе философия не раз предвосхищала широкие научные обобщения; самый яркий пример — идея неуничтожимости материи и энергии. В этом смысле философия является и предтечей тектологии. Такие философские концепции, как диалектика или учение Спенсера об эволюции, имеют скрытый и неосознанный, но несомненно тектологический характер. Поскольку они будут исследованы, проверены и организационно истолкованы, они войдут в новую науку, а вместе с тем потеряют свой философский характер. Вообще по мере своего развития тектология должна делать излишней философию, и уже с самого начала стоит над нею, соединяя с ее универсальностью научный и практический характер. Философия идей и схемы для тектологии — предмет исследования как всякие иные организационные формы опыта”³⁸.

Богданов пишет: “Триада организационного акта неизбежно вызывает ее сопоставление с триадой диалектики. Именно здесь нам всего удобнее установить соотношение диалектики с тектологией, предвестницей которой она исторически является... Сущность же марксовского “материалистического” понимания диалектики такова.

Всякая реально развивающаяся форма заключает в себе противоположно направленные или “борющиеся” силы. Их соотношение, прежде всего количественное, непрерывно меняется в зависимости от всей суммы условий, внутренних и внешних. Пока преобладание остается на одной стороне, форма сохраняется; но чем более оно уменьшается, тем слабее становится ее устойчивость. В тот момент, когда она уничтожается, эта устойчивость исчезает также;

тогда “количество переходит в качество”, и происходит резкое преобразование форм, переворот, революция, — то, что мы обозначили общим именем “кризис”³⁹.

Старая диалектика недостаточно динамична, оставляет невыясненной общую механику развития. “Научно ценным в старой динамике было указание на скрытые в понятиях и вещах “противоположности”, которые требовалось искать и под которыми подразумевались то дезингрессия активностей, то просто системное расхождение частей или сторон целого. В организационном анализе все это приходится различать, и применение старой схемы уже не было бы полезно, а неизбежно связанные с ее гегелевской и догегелевской терминологией остатки “логизма”, отождествляющего развитие схем и реальностей, могут быть и вредны.

Но диалектика имела еще иное значение, которое всего лучше определить как архитектурно-эстетическое. В изложении фактов и мыслей она вносила моменты ритма и симметрии, внешнюю, формальную организованность, которая облегчает восприятие и запоминание. Эта сторона диалектики, по-видимому, еще долго будет сохранять свою ценность. Ее только не надо смешивать с научной, стремящейся к точности, организационной диалектикой”⁴⁰.

Тектологический процесс включает три фазы: конъюгационную; системных дифференциаций; фазу системной консолидации. Мы не будем далее раскрывать внефилософскую суть тектологии. Это дело специалистов. Напомним лишь о следующем. Тектология Богданова была в фокусе международной конференции “Истоки и развитие организационной теории в России”. Конференция проходила с 8 по 11 января 1995 г. в Университете Восточной Англии (Норвич). Российскую делегацию возглавлял директор Института экономики РАН академик Л.И.Абалкин. Он, в частности, отметил: “Современники не сумели, да и вряд ли могли по достоинству оценить значимость тектологии для формирования новой научной парадигмы. Лишь время способно отсеять рациональные зерна и отделить их от плевел.

Признание научной значимости тектологии отнюдь не предполагает безоговорочного согласия со всеми ее положениями и выводами. Такое согласие вообще присуще отнюдь не научному, а

религиозному мышлению. И для того чтобы лучше оценить значение тектологии как этапа или звена научного поиска, нужно четко разграничить два ее среза: тектологию как таковую и тектологию как особый тип или способ мышления.

Тектология как таковая, по замыслу ее создателя, — наука, объединяющая организационный опыт человечества, это теория организационных систем, изучающая каждую из них с точки зрения отношений между ее частями, а также отношения системы как целого с внешней средой.

Качественно новым в тектологии явился переход от метода аналогий, широко и плодотворно использовавшегося в науке, к выявлению общих закономерностей становления и функционирования систем.

Высказанные А.Богдановым суждения и полученные им выводы во многом предвосхитили рождение теории систем и кибернетики и были интегрированы ими⁴¹.

В теории Богданова видят предвосхищение кибернетики и системного подхода. Его анализ организационных форм материи оценивается как выдающийся вклад в трактовку материального единства мира и единства его архитектурных форм. Н.Моисеев говорит о тектологии Богданова: “Вся системная проблематика, поднятая Л. фон Бергаланфи и его последователями, практически полностью укладывается в теорию организации А.А.Богданова, но не наоборот. Поэтому-то мне и кажется, что “общая теория систем” — это известный шаг назад по сравнению с “Тектологией” А.А.Богданова... И успех работ Бергаланфи, относящихся к 50-м годам, во многом объясняется тем, что сочинение А.А.Богданова к этому времени было основательно забыто. Оно появилось слишком рано, когда интерес к подобным проблемам еще не был подкреплён общественными потребностями⁴²”.

О социализме

Доктор Габриэла Горцха (Германия) в предисловии к первой книге “Неизвестный Богданов” пишет: “Все творчество Богданова, сколь разнородным оно ни казалось бы, было подчинено одной це-

ли — поддержать процесс формирования в русском обществе фундаментально новых, а именно социалистических, структур в экономике, политике, искусстве и по возможности также указать направление этого процесса”⁴³. По мнению Горцхи, основной линией, проходящей через все труды Богданова, является ориентация на социалистическую перспективу. Выступая в защиту революционизирования культуры, Богданов акцентировал на многосторонность революционного процесса.

Он теоретически просматривал тенденцию, в соответствии с которой развитие технического базиса общества с необходимостью потребует коллективистского, планомерно ведущегося, социалистического хозяйства. Оно будет не меновым, а натуральным, охватит в конечном счете все человечество.

Каковы черты будущего социалистического общества? В главе “Социалистическое общество”, которой было дополнено седьмое (первое легальное) издание “Краткого курса экономической науки” (1906), выделены такие характеристики “послекапиталистического строя”: действительная власть общества над природой, беспредельно развивающаяся на основе научно организованной техники; стройная организованность всей производственной системы при величайшей подвижности ее элементов и их группировок и при высокой психической однородности трудящихся как всесторонне развитых сознательных работников: общественно-организованное распределение на основе общественной собственности на все средства производства. Богданов пишет: “Человек, воспитанный эпохой ожесточенной конкуренции, беспощадной экономической враждой людей, групп и классов, не в силах даже представить себе того высшего развития товарищеской связи людей, которая органически создается из новых трудовых отношений”⁴⁴.

Предшествующая история человечества порождала “одностороннего человека”, “человека-дробь”... В сущности, Богданов фиксирует феномен отчуждения, порожденного разделением труда. Первое “дробление человека” Богданов связывает с отделением организатора от организуемого, повелевающего от повинующегося. Но теперь наступает эпоха “собираения человека” под влиянием индустриального производства и коллективистских отношений в тру-

де и в науке. Идея собирания человека и человечества сближает позицию Богданова с позицией русских космистов (В.Вернадский, К.Циолковский), ибо он обращается ко всеобщему природному организационному процессу, видит в человечестве одно из его проявлений.

Рабочий класс, полагал Богданов, — носитель монистического, социально-трудового миропонимания, свободы труда на основе подчинения стихийных сил природы владеющему наукой человеку. Организованность и планомерность он противопоставляет дезорганизации и стихийности. Рабочий заменит правовые, моральные, политические нормы нормами научной целесообразности. Сциентистски ориентированный Богданов видел в будущем общество, основанное на совместном труде, бестоварное, во главе с тем классом, который стремится уничтожить классы. Тектология должна помочь в этом рабочим. Она выясняет взаимосвязь вещей, людей и идей, она анализирует процессы организации и дезорганизации, механизм формирования и регуляции, устойчивости и организованности общественных систем. «Идеальными условиями функционирования трудового коллектива является, с точки зрения Богданова, крупное автоматизированное производство, ибо на его основе создается единый, не знающий разделения труда, высший тип коллектива, его особая коллективистски-трудовая психология, отличающаяся чертами гармонического сотрудничества и полного развития каждого работника применительно к потребностям производства»⁴⁵.

Богданов понимал (и об этом он четко говорил в романе-утопии «Красная звезда»), что века национального дробления, взаимного непонимания, кровавой борьбы не прошли даром. И мы не знаем, сколько варварства и узости социалисты принесут с собой в новое общество... Старые типы жизни сохраняются и воспроизводятся. Таков, например, авторитаризм, возникший в первобытную эпоху и сохраняющийся поныне. Не менее, чем авторитаризм, агрессивен и индивидуализм. Размышления Богданова об этих феноменах звучат вполне современно.

Между тем по мере все более глубокого изучения российской действительности Богданов укреплялся в мысли, что Россия не со-

зрела для антикапиталистического переворота. Главная причина — культурная несамостоятельность пролетариата. В “Вопросах социализма” (1918) Богданов писал: “Культурная несамостоятельность пролетариата в настоящее время есть факт основной и несомненный, который надо честно признать и из которого следует исходить в программе ближайшего будущего. Культура класса — это вся совокупность его организационных форм и методов. Если так, то какой злой иронией — или каким детским недоразумением — представляются проекты немедленно навязать пролетариату дело самого радикального, невиданно сложного и трудного во всей истории организационного переустройства в мировом масштабе?”

Итак, пока рабочий класс не владеет своими организационными орудиями, а напротив, они владеют им, до тех пор он, очевидно, не может и не должен предпринимать попытки непосредственного решения мировой организационной задачи, попытки осуществить социализм. Это было бы авантюрой без малейшего шанса на успех, попыткой построить мировой дворец без знания законов архитектуры. Это был бы новый кровавый урок, вероятно, более жесткий, чем тот, который мы сейчас переживаем”⁴⁶.

Для Богданова пролетарская культура — это в сущности орудие борьбы пролетариата за новый мир, организации новых межчеловеческих связей, “собрания человека”. Богданов постепенно отходил от ультрареволюционной позиции и связывал возможность пролетарской революции, отнюдь не близкую, с развитием классового сознания рабочих, способных преодолеть авторитарное руководство обществом и организовать коллективное.

Согласно Богданову, в зависимости от технико-экономического уровня возникают три основные типа культуры в науке, искусстве, морали: авторитарный, индивидуалистический, коллективистский. Коллективистская культура и есть идеология рабочего класса, выполняющая организующую роль. Богданов делает ставку на новую интеллигенцию и научно возвращенный пролетариат. Товарищеская солидарность — вот главный пролетарский моральный принцип, основа новых социальных норм вообще. Этот принцип станет “органически руководящей силой в душе каждого человека”. Неслучайно Богданов в 1924 г. для сборника “О пролетарской

культуре” расшифровал моральный принцип в десяти законах совести: не должно быть никакого стадного сознания; не должно быть никакого рабства; не должна быть нарушена чистота целей; не должно быть никакого готтенготства (установки: хорошо, если краду я, плохо, если крадут у меня); гордость коллектива — высшая движущая причина воли и мышления рабочего; полное взаимопонимание — высший идеал новой совести...

Одним словом, наука, мораль, искусство должны воедино собирать человеческий опыт и организовывать его. Пролетариату нужно собственное социалистическое искусство, ибо оно посредством живых образов формирует чувства, желания, преодолевает индивидуализм. В переживании прекрасного человек “забывает себя”, здесь формируется подлинное гармоническое духовное единение отдельных Я. Искусство организует живой опыт и в сфере познания, и в сфере чувств, и в сфере воли. Богданову приписывали нигилистически варварское отношение к искусству прошлого. Среди деятелей Пролеткульта были настроенные подобным образом люди. Но Богданов к ним не принадлежал. Он не принимал пассивного и бездумного отношения к “сокровищам старого искусства”.

Богданов был страстным пропагандистом научных знаний, важнейшей, наряду с моралью и искусством, составной части культуры. Он даже мечтал о создании “Новой энциклопедии” по аналогии с известной французской энциклопедией XVIII в. Образование в России — особая забота Богданова, связанная с планом создания Пролетарского университета — целой системы институтов.

Искусство — одна из форм идеологии класса, элемент его классового сознания, способ объяснения и сплочения классовых сил, воспитательное средство, орудие социальной организации. Наука — тоже организация опыта, но она оперирует отвлеченными понятиями. Искусство организует опыт в живых образах, оно систематизирует чувства и настроения людей. Музыка, например, есть звуковой язык чувства, лирика — словесно-образный, ландшафт — красочный, архитектура — язык камня, дерева и железа. Разные искусства разными путями связывают людей единством настроения, воспитывают и социально формируют их отношения к миру и другим людям. Нам нужно искусство прошлого, но в новом пони-

мании, пролетариату необходимо искусство коллективистское: “Две грандиозные задачи стоят перед рабочим классом в сфере искусства. Первая — самостоятельное творчество: осознать себя и мир в стройных живых образах, организовать свои духовные силы в художественной форме. Вторая — получение наследства: овладеть сокровищами искусства, которые созданы прошлым, сделать своим все великое и прекрасное в них, не подчиняясь отразившемуся в нем духу буржуазного и феодального общества. Эта вторая задача не менее трудна, чем первая”⁴⁷. Как переосмыслить искусство прошлого? Возьмите былины об Илье Муромце. Это воплощение в одном герое коллективной силы крестьянства, истинного строителя и защитника нашей земли. Пусть этот образ индивидуалистический, но в нем выражена коллективная сила. И это надо постичь. Кстати, по поводу известных строк В.Кириллова насчет сжигания Рафаэля Богданов заметил, что это поэзия “в духе солдата, а не рабочего”⁴⁸.

С научно-организационной, то есть коллективно-трудовой точки зрения он предлагает пересмотреть все наличное культурное наследие. Культурная самостоятельность — первый лозунг рабочего класса. Второй — социализация науки, пересмотр ее как по содержанию, так и по форме. Ибо старая наука подавляла сознание пролетария. Отсюда и проекты создания “Рабочего университета” — системы учреждений, построенной на товарищеском сотрудничестве учащихся и учащихся, “Рабочей энциклопедии”, излагающей методы и достижения науки с пролетарской точки зрения. Надо перековать орало старого гуманитарного и естественного знания на меч “социалистической науки”. Старые “энциклопедисты” видели в человеке изолированного индивида, новые видят в нем “клетку коллектива, его орган”⁴⁹. Богданов был избран в ЦК Пролеткульта (сентябрь 1917 г.) и входил в него до 1922 г. Повторяем, он был далек от крайностей, вульгарно-социологических оценок прошлой культуры, хотя сама классово-пролетарская ориентация содержала возможность тех извращений, которые и возникли в условиях государственно-феодального социализма.

Еще один интересный сюжет. Богданов ввел в теоретический обиход термин “военный коммунизм”. Военный коммунизм —

итог милитаризации общественной жизни и экономической разрухи. С этой точки зрения весь государственный капитализм в Германии и других странах есть не что иное как результат внедрения военного коммунизма в новейшую капиталистическую систему. П.Плютто справедливо заключает: “Богданов вкладывал особый смысл не только в термин “военный коммунизм”, но и в определение “государственный капитализм”, находя скрытое взаимопроникновение этих идей”⁵⁰.

В письме к В.Базарову от 15 января 1917 г. Богданов говорил об европейском “военно-государственном капитализме”, который за счет государственной планомерности сводит к минимуму разрушительные процессы. В письме к П.Лебедеву-Полянскому от 15 июня 1917 г., видимо, впервые появляется термин “военный коммунизм”, который получает всестороннюю содержательную характеристику в письме к А.Луначарскому от 19 ноября 1917 г. — ответе на предложение Луначарского занять пост в Наркомате просвещения. Богданов говорит: война породила экономический и культурный упадок, гигантское развитие военного коммунизма, регулирование потребления. Военный коммунизм, развиваясь от фронта к тылу, перестроил общество. Государственный капитализм есть ублюдок капитализма и потребительного военного коммунизма.

В России влияние военного коммунизма как организационной формы сильнее, чем в Европе, ибо капитализм у нас развит слабее. Революция под знаком военщины глубоко исказила природу большевистской партии: ей пришлось организовывать псевдосоциалистические солдатские массы, крестьян, действующих в казарменных коммунах на содержании у государства. Партия стала рабоче-крестьянской, а значит объективно-солдатской. Почему? Существует такой тектологический закон: если система состоит из частей высшей и низшей организованности, то ее отношение к среде определяется низшей организованностью, самым слабым ее звеном. Так, скорость эскадры определяется самым тихоходным кораблем. Позиция партии, составленной из разнородных классовых отрядов, — ее отсталым крылом. Большевизм преобразовался поразительно — усвоил логику казармы, все ее методы, специфическую культуру и идеи.

Логика казармы в противоположность логике фабрики характеризуется тем, что она всякую задачу понимает как вопрос ударной силы, а не как вопрос организованного опыта и труда. Разбить буржуазию — вот и социализм. Захватить власть — тогда все можем. Рабочий-социалист не потребует, чтобы плата инженеру была выше, чем ему. Казарма знает только паек. Политический стиль партии большевиков пропитался казарменной трехэтажностью... Большевизм обречен на политическое и идейное крушение. Эту сдачу социализма солдатчине, — полагает Богданов, — выполняют грубый шахматист Ленин, самовлюбленный актер Троцкий⁵¹.

Социалистической революции в Европе не будет — таков совершенно справедливый вывод Богданова. Ибо рабочий класс не достиг необходимого уровня культуры и организованности. В России же солдатско-коммунистическая революция есть нечто противоположное революции социалистической. Рабоче-солдатская партия должна распасться. Новой рабочей партии потребуются новая идеология, новая культура. Важно уже сейчас выяснить их социальные функции, а не только описывать генезис и вторичность.

В статье “Судьбы рабочей партии в нынешней революции”, опубликованной в газете “Новая жизнь” 26 и 27 января 1918 г., характеризуя Октябрьскую революцию как крестьянскую в деревне и по преимуществу солдатскую в городе, Богданов писал: “Мировая война изменила и самое строение общества, а с ним — природу общественных сил. Это произошло путем колоссального развития военного коммунизма”⁵². По мнению Богданова, военно-коммунистическая организация буквально врезается в систему капитализма. Применяя к оценке событий создаваемую им в то время организационную теорию, Богданов говорит: “В рабоче-солдатской партии крыло более отсталое, политически ниже организованное, это солдатское. Поэтому рабочее крыло и должно приспособляться к его уровню, точке зрения, методам. В политике рабоче-солдатская партия есть на деле просто солдатская. Так это все время и наблюдается”⁵³. В общем, прочность цепи определяется не наиболее крепким, а самым слабым звеном...

Богданов с глубокой проницательностью обобщил: “Коммунизм этот является в основе своей потребительным, но, примени-

тельно к потребностям распределения, может включать и регулирование производства, а также принудительную трудовую повинность. Готовые формы для этого коммунизма давала гигантски разросшаяся организация армии... С развитием войны принципы пайка и казармы распространялись на все большую часть населения; следом за ними шло регулирование цен и сбыта, затем монополизация продуктов и регулирование производства»⁵⁴.

Если, полагает Богданов, военно-коммунистические формы жизни и порождали массовый уклон к социализму, то лишь к “социализму” дележа или уравниловки. В основу экономического и культурного строительства был положен приказ: “Вера в декрет есть, в сущности, перенесение на социальную жизнь идеи приказа, который в солдатской жизни действительно все определял и все мог. В общеэкономической и культурной жизни это далеко не так”⁵⁵.

Идея приказа расцвела вновь в период тоталитаризма. Богданов не был услышан. Да, собственно, среди большевистских вождей не было людей, желавших и способных понять Богданова. А ведь он в декабре 1917 г. говорил: “Социализм рабочий есть в основе своей коллективизм производства; “социализм” же солдатской партии есть ... коммунизм потребления”⁵⁶.

Для “Курса политэкономии” была написана глава, не вошедшая в первое издание и опубликованная в виде статьи “Новейшие прообразы коллективистического строя” (1918). В этой статье учение об “осадном коммунизме” получило дальнейшую конкретизацию. Сначала Богданов уточняет свое понимание коллективизма и коммунизма вообще. Коммунизм (“общность” или “общинность”) — понятие, связанное со сферой распределения. Таков древнехристианский “коммунизм потребления”, обязывавший членов общины отдавать свое имущество в ее потребительный фонд. Коллективизм (“соборность”) — понятие, характеризующее объединение человеческих усилий в действии, в труде. В социалистическом идеале оба момента сливаются непосредственно, оба понятия выражают организационную идею обобществления экономической жизни. Организационные формы обобществления — авторитарная и товарищеская, которые на практике наблюдались всегда в смешанном виде с преобладанием той или другой.

Экстремальные условия, например война, порождают сочетание капитализма и военного коммунизма — осадный коммунизм, или государственный капитализм. В Европе первой вступила на этот путь Германия. Государство взяло под свой контроль распределение продуктов, нормировало их цены и сбыт, перешло к регулированию производства. Государственный капитализм соединяет организационные черты новейшего капитализма с военно-коммунистическими тенденциями. Отсюда и довольно высокие нормы прибыли, гарантированные государством. Трудовые массы фактически закрепощаются посредством милитаризации, военного положения.

Развивая эти мысли в докладе “Мировая война и революция” (1921), Богданов писал, что осадный коммунизм не есть развитие той или иной общественной формации, он может возникнуть из любой социальной системы. Это коммунизм осажденного города, коммунизм потребления. Подлинно коллективистский строй имеет иные предпосылки, новые организационные методы, совокупность которых образует пролетарскую культуру: “Основы ее заложены организационным опытом рабочего движения, марксистской теорией, зачатками пролетарского искусства”⁵⁷.

В ответе на ряд вопросов, поставленных экономистом Д.Опариним (14 сентября 1918 г.), Богданов вновь говорил о том, что рабочий класс еще не готов к выполнению революционных задач коллективистского типа. Он предвидит наступление в России господства социал-бюрократии во главе с технической интеллигенцией, появление государственно-бюрократического капитализма в качестве переходной к социализму формы. Будут восстановлены необходимые для социализма производительные силы, а пролетариат подготовится к мировой организаторской роли. Необходимой предпосылкой выполнения пролетариатом этой роли остается выработка пролетарской культуры.

Богданов полагал, что большевики делают великое общенародное дело — спасают трудовую Россию, но считал Октябрьскую революцию социалистической только для пролетариата, для формирования его сознания. Другое дело, что утопические иллюзии играют огромную социальную роль. В письме к Н.Бухарину от 10 декабря 1921 г. он пишет: “Разойдись с партией в оценке эпохи, я

понимал объективную необходимость ее политики и потому должен был отказаться и от пропагандистской работы на политические темы, чтобы не мешать нужному делу. В идеологии стихийных массовых движений и утопизм является жизненно важным элементом; если в нем нет правды научно-теоретической, то может быть правда действительного порыва. Так и во Французской революции якобинцы, идя по линии исторической необходимости, утопически понимали и смысл своей работы — думали, что она идет прямо к высшим идеалам; но разве они могли бы выполнять ее с такой беззаветной энергией, если бы с научной точностью знали, куда они идут. Только не стихийная, а сознательно-организованная классовая борьба может не нуждаться в подобном утопизме⁵⁸. Богданов добавлял, что на плечи самого юного рабочего класса — русского пролетариата — история возложила непосильное бремя, далеко выходящее за границы его собственной классовой природы.

Богданов ввел термин “советская изношенность” (“совизношенность”), фиксируя кризис человека в условиях послереволюционной разрухи. Создатель института гематологии и переливания крови именно в обмене кровью между старыми и молодыми видит средство омолаживания организма. Философски все это освящается проведением в жизнь принципа “физиологического коллективизма”.

В статье “Государство-коммуна” (1917) Богданов провидчески замечал, что Советы — несовершенные органы, они не имеют парламентского опыта улаживания противоречивых интересов, а потому их политика чревата гражданской войной с громадным расточением лучших сил народа. Советы, созданные согласно ленинскому проекту, — органы революционной борьбы. Они мало пригодны для позитивной работы, нужна демократическая парламентская республика. Богданов проводит аналогию между проектами Ленина и “донаучным, ребяческим коммунизмом” с его установкой: “Всем поровну”, “Установить однообразную плату”, “Не выше средней платы хорошего рабочего” за самые различные по качеству, количеству и напряженности виды организаторского труда — это с экономической точки зрения ошибка против азбуки... Если комиссар-министр, выполняя работу, которая изнуряет мозг, нервы и нередко в несколько месяцев истощает человека на несколько лет,

будет получать те же 200—300 рублей, что и средний хороший токарь, то какой токарь пойдет в министры? За среднюю плату хорошего рабочего только и можно делать среднюю работу хорошего рабочего”⁵⁹.

* * *

“Когда приходится вести борьбу со своими, то приятно иметь противниками людей, которых можешь уважать. Мне не дано этого счастья, — констатировал в конечном счете Богданов и спрашивал своих оппонентов: — Скажите, наконец, прямо, что такое марксизм, наука или религия? Если наука, то каким образом, когда все другие науки за эти десятилетия пережили огромные перевороты, он один остался неизменным? Если религия, то неизменность понятна; но тогда так и скажите, а не лицемерьте и не протестуйте против тех, кто остатки былой религиозности одевает в религиозную терминологию. Если марксизм истина, то за эти годы он должен был дать поколение новых истин. Если, как вы думаете, он не способен к этому, то он — уже ложь”⁶⁰.

Победившая в России большевистская, идеологизированная и политизированная версия марксизма в условиях тоталитаризма превратилась в разновидность светской религии. Это созданное Сталиным и его псаломщиками вероучение оказалось основой тоталитарной духовности. Религия апеллирует к потустороннему, к Богу, светская религия — к стоящему “по сю сторону” бытия вождю, носителю абсолютного знания.

Возможность религиозной интерпретации марксизма Богданов усматривал в ленинской трактовке истины, справедливо полагая, что если есть абсолютная истина как таковая, то обязательно должны быть те, кто решает, какая истина абсолютна. Необходим Некто, имеющий власть и право определять это и отлучать всех сомневающихся. Абсолютная истина требует авторитета, будь то жрец, “вожак”, лидер; сомневающийся выглядит не просто еретиком, а преступником. И это, полагает Богданов, не отвлеченный вопрос, это вопрос об идейном рабстве или несвободе, о стаде или сознательном коллективе. В записных книжках 1925—1927 гг. есть заметка: “В борьбе за единоличную диктатуру он (Ленин. — *К.Н.*) был объективно прав: таков уровень его стада...”⁶¹

ПРИМЕЧАНИЯ

-
- ¹ Неизвестный Богданов. Кн. 1. М., 1995. С.137.
- ² *Сталин И.В.* Соч. Т.7. С.43.
- ³ Неизвестный Богданов. Кн. 1. С.142.
- ⁴ Там же.
- ⁵ *Бухарин Н.И.* Памяти А.А.Богданова // Богданов А.А. Тектология. Кн. 2. М., 1989. С.346.
- ⁶ Мир Божий. 1903. № 11. С.12.
- ⁷ *Удальцов А.* К критике теории классов у А.А.Богданова // Под знаменем марксизма. 1922. № 7—8. С.82.
- ⁸ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т.18. С.12.
- ⁹ *Ленин В.И.* Соч. 3-е изд. Т.13. М., 1935. С.317.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Под знаменем марксизма. 1923. № 8—9. С.285.
- ¹² *Философы России XIX—XX столетия.* М., 1995. С.246.
- ¹³ Под знаменем марксизма. 1926. № 1—5.
- ¹⁴ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т.4. С.35.
- ¹⁵ *Ищенко Т.* Краткий философский словарь. М., 1930. С.32.
- ¹⁶ *Гоникман С.* Исторический материализм. М.; Л., 1931. С.264.
- ¹⁷ См.: *Grille D.* Lenins Rivale. Bogdanov und Seine Philosophie. Кlnn, 1966.
- ¹⁸ *Богданов А.* Основные элементы исторического взгляда на природу. СПб. 1899. С.210.
- ¹⁹ *Богданов А.* Эмпириомонизм. Кн.2. С.6.
- ²⁰ *Богданов А.* Из психологии общества. С.275.
- ²¹ *Богданов А.* Наука об общественном сознании. М., 1918. С.216.
- ²² От философии к организационной науке // Неизвестный Богданов. Кн.1. С.110—111.
- ²³ Там же. С.112.
- ²⁴ Там же. С.113—114.
- ²⁵ Там же. С.115.
- ²⁶ Там же. С.117—118.
- ²⁷ *Плеханов Г.В.* Изб. филос. произв. Т.2. М., 1956. С.148.
- ²⁸ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т.1. С.438.
- ²⁹ *Богданов А.* Основные элементы исторического взгляда на природу. СПб. 1899. С.210—212.
- ³⁰ *Богданов А.* Познание с исторической точки зрения. СПб. 1901. С.22.

-
- ³¹ *Богданов А.А.* Тектология. Кн.1. С.47.
- ³² Там же. С.69.
- ³³ Там же. С.71.
- ³⁴ Там же. С.59.
- ³⁵ Там же. С.135.
- ³⁶ Там же. С.66.
- ³⁷ Там же. С.135.
- ³⁸ Там же. С.141—142.
- ³⁹ Там же. Кн.2. С.267.
- ⁴⁰ Там же. С.271.
- ⁴¹ *Абалкин Л.И.* Тектология Богданова: на пути к новой парадигме // *Вопр. филос.* 1995. № 8. С.4.
- ⁴² *Моисеев Н.Н.* Человек, среда, общество. М., 1982. С.40—41.
- ⁴³ *Неизвестный Богданов.* Кн. 1. С.7.
- ⁴⁴ *Богданов А.А.* Краткий курс экономической науки. М., 1920. С.313.
- ⁴⁵ Мат-лы международной конференции “Богдановские чтения”. Гродно, 1994. С.173.
- ⁴⁶ *Богданов А.А.* Вопросы социализма. М., 1990. С.331—332.
- ⁴⁷ Там же. С.426.
- ⁴⁸ *Богданов А.А.* Наука и рабочий класс // *Пролет. культ.* 1918. № 2. С.22.
- ⁴⁹ *Очерки по философии коллективизма.* СПб. 1909. С.136.
- ⁵⁰ *СоцИС.* 1990. № 11. С.150.
- ⁵¹ *Неизвестный Богданов.* Кн. 1. С.189—192.
- ⁵² *Новая жизнь.* 1918. 26 янв. С.2.
- ⁵³ Там же.
- ⁵⁴ *Вестник социалистической академии.* 1922. № 1. С.120.
- ⁵⁵ *Новая жизнь.* 1918. 26 янв. С.2
- ⁵⁶ Там же.
- ⁵⁷ *Неизвестный Богданов.* Кн.1. С.100.
- ⁵⁸ Там же. С.205.
- ⁵⁹ *Богданов А.* Проблемы социализма. С.348.
- ⁶⁰ *Цит. по: Вопр. филос.* 1991. № 12. С.37.
- ⁶¹ Там же. С.27.